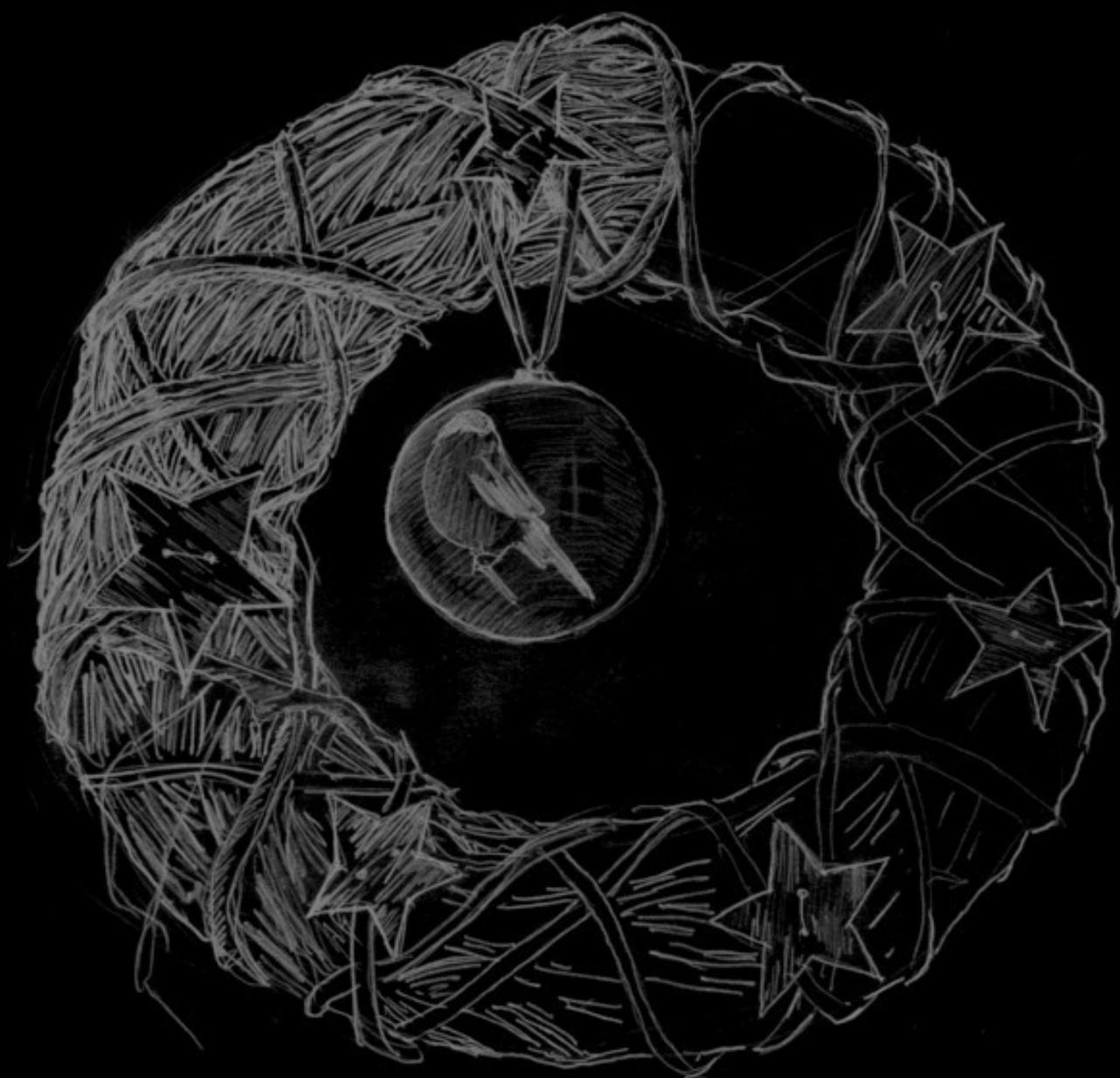


# ЧЕРНАЯ РЕЧКА

Егоров Никита



Никита Егоров

**Черная речка**

«Издательские решения»

**Егоров Н.**

Черная речка / Н. Егоров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839874-2

Чёрная Речка — река на территории Санкт-Петербурга, приток Большой Невки — рукава невской дельты. Длина реки составляет 8,1 км.

ISBN 978-5-44-839874-2

© Егоров Н.  
© Издательские решения

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Реплика                           | 6  |
| Волны                             | 7  |
| Цифры                             | 8  |
| Жилец                             | 9  |
| Обязанности пешеходов             | 10 |
| Добрые пожелания                  | 11 |
| Брандмауэр                        | 12 |
| Когда выгорит                     | 14 |
| Струна                            | 16 |
| Перед рассветом                   | 17 |
| Константа                         | 19 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 20 |

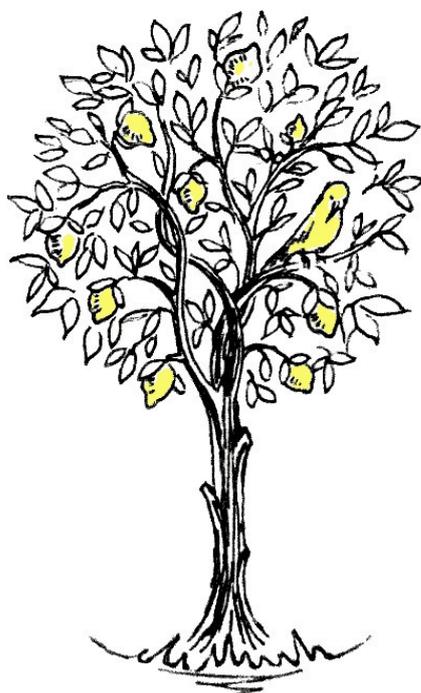
# Черная речка

**Никита Егоров**

© Никита Егоров, 2017

ISBN 978-5-4483-9874-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



«...Я всё помню. Всё помню. И более не горю.»

*Кирияра*

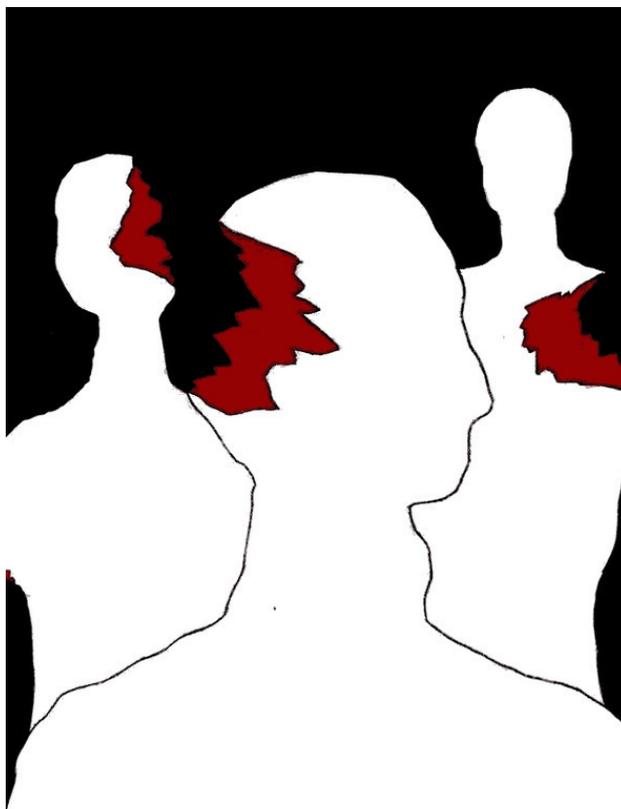
## Реплика

Время снова куда-то идет.

И вы смотрите с ним друг на друга  
безразлично, как пара супругов,  
не сумевших продолжить свой род.

Будет год и еще один год,  
и звонки, и какие-то даты.  
Будет елка, под елкою – вата,  
и пластмассовых звезд хоровод.  
Фраз дежурных хрустящий хитин,  
крови вязкой движенье по венам  
и пустые глаза манекенов,  
что глядят свысока из витрин,  
заменивших окошки зеркал.

И поймет перед ними стоящий,  
что когда-то он был настоящим,  
но в какой-то момент перестал.



## Волны

Он лежит посреди того, что когда-то звалось Вселенной,  
а теперь не зовется ей, так как некому больше звать.  
Волны плещут вокруг него, разбиваясь во тьме о стены,  
их соленые языки тихо лижут его кровать.

Эти ночи длинней, темней, хуже тех, что проходят в беге  
от одних новостей к другим, еще более несмешным.  
Сконцентрировавшись на ней, как на мантре, на обереге,  
он идет через них на свет; и дорога, и мир за ним  
растворяются будто дым – остановка подобна смерти.  
Но пугает его не смерть, а родиться потом опять,  
и забыть все, что было с ним в этой лиственной круговерти,  
и не помнить ее лица, и улыбки ее не знать.

И когда на рассвете шторм накрывает его в кровати,  
он, зажав в кулаке все то, что осталось от *их* ночей,  
держит руку над головой, и все шепчет: «пусть воли хватит».

Воду в пальцах не удержать. Все уходит сквозь сито дней,  
как ступени, где спуск в метро, утекают куда-то в землю,  
как все то, чем когда-то жил, распадается на слова.

Он живет посреди того, что когда-то звалось Вселенной,  
где, помедлив, сочтя итог, утекает в залив Нева.

## Цифры

Пять сигарет приведут тебя в чувство,  
шесть кружек кофе помогут не спать.  
Пять гласных в слогане «Нахуй искусство!»,  
шесть в «Не хочу умирать».

Поезд до станции «Черная речка»,  
дальше – пятнадцать минут от метро.  
Скумбрия, курица, рис или гречка,  
водка и «экстра-ситро».

Твой заголовок никто не заметит —  
Коля-редактор изменит слова.  
Значит – опять ни за что не в ответе,  
и не болит голова.

Пять человек раскатало по трассе,  
шесть – угорело по пьяни в дому.  
Тридцать секунд в первом утреннем часе,  
глупый вопрос «почему?»

Много ли нужно, что сердце не встало?  
Видеть лишь цифры, их смысл поправ.  
К чувствам привычка всегда убивала,  
предупреждает Минздрав.

## Жилец

Опять в кармане новые ключи.  
Чужой диван и голоса за стенкой.  
Жизнь плавится как олово в печи,  
и остается только дрожь в коленках,  
две сумки и гитара с рюкзаком,  
но и они все больше раздражают.  
Жизнь плавится как форма со штыком,  
как небосвод, светлеющий по краю.

Уже привычно. Больше не страшит  
любая перспектива из возможных.  
И пусть порой рука слегка дрожит,  
пусть тяжело, пусть больно и тревожно,  
все это прекратится в свой черед —  
оставит только лужицу горнило.  
И если кто ее потом найдет,  
не сможет угадать, чем это было.



## **Обязанности пешеходов**

4.9. Не зарекайся, не клянись, не вспоминай и не ленись, и на вопрос «ну, как дела?» скажи, что хорошо. Работай больше, меньше спи, не будь наивен, не живи ни чувством, ни мечтой, ни тем моментом, что прошел, и слов на ветер не бросай. Другой кричит – себя спасай; от доброты своей добра ты в жизни не видал. Не любопытствуй, не ищи к открытой комнате ключи, к тому ж, по чести говоря, тебя никто не звал. Встань, соберись, заправь кровать, скорей реши, кем хочешь стать, не попадайся на крючок, не действуй наугад.

4.10. Горит зеленый светофор, а ты – несись во весь опор в другую сторону, молчи и не смотри назад.

## Добрые пожелания

Ходить весь день с натянутой улыбкой —  
не самая простая из затей.

Но, право, это было бы ошибкой,  
душить своим унынием людей.

Хотя невыносимы мысли эти,  
избавиться от них я не могу.  
Как будто все, что есть на белом свете,  
вдруг сделалось лишь надписью в снегу,

или на стенах странными словами,  
и сердце начинает биться вспять.  
О, видела б моими ты глазами,  
сбежала б дальше, чем возможно убежать.

Как будто все, что между нами было,  
вдруг сделалось соринкою в глазу.  
Но что-то у меня закоротило,  
и я не в силах выдавить слезу,  
чтоб вышло с ней и все это мученье,  
очиститься и встретить новый день.

Не придавай моим словам значенья,  
не обращай внимания на тень.  
Пусть поезда сжирают километры,  
трамваи пусть проносятся, звеня.  
Храни тебя Господь от злого ветра,  
от солнца – шляпа. Память – от меня.

## Брандмауэр

Не был дом ни большим, ни старинным,  
в нем не жили цари-короли.  
И признали его аварийным,  
а признав – очень быстро снесли.  
И остались оглохшие стены  
тех домов, что стояли впритык,  
да в горе кирпичей непременный  
что-то ищущий грязный старик.  
То бормочет по нос, то хохочет,  
набивая карманы старьем,  
и брандмауэр сентябрьской ночи  
нависает над бывшим жильем.  
Все старания врезать окошко  
в эту плоскость холодной стены,  
пусть не с форточку, пусть – хоть с ладошку,  
обернулись лишь чувством вины,  
под ногтями запекшимся бурым,  
нервным криком ворон в пустыре.  
Ни созвездий на небе ажуром,  
ни водицы в колодце-дворе.

Не был дом ни большим, ни старинным,  
в нем не жили цари-короли.  
И признали его аварийным,  
а признав – очень быстро снесли,  
так, что даже жильцы не проснулись,  
точно книгу на полку убрав.  
Быстро – будто соринку смахнули,  
ни пылинки почти не подняв.

И старик что-то тихо бормочет,  
Взгляд и руки подняв к небесам,  
Но брандмауэр сентябрьской ночи  
Глух к его смехотворным слезам.



## Когда выгорит

Когда выгорит все, что когда-то могло гореть,  
полахать, раскаляться, взрываться, хотя бы тлеть,  
и осядет пепел, седой, как морской рассвет,  
как поверхность морей луны, как хвосты комет,  
он укроет от глаз, все, что было и быть могло,  
он смягчит очертанья и эхо шагов и слов,  
и колесных пар, врезающихся в рассвет.

И минута молчанья продлится десятки лет.

Когда выгорит все, что когда-то гореть могло,  
испарится и то, что журчало, лилось, текло,  
как кусочки неба лежало на площадях,  
что себе забирало скуку, усталость, страх,  
устремляясь в пространство, прорвав притяженья плен,  
словно узник, устав от решеток, оков и стен.  
И взовьется пыль, и закроет собою свет.

И продлится минута молчания сотни лет.

Когда выгорит все, что когда-то могло гореть,  
даже воздух не будет больше по нам скорбеть.  
Кислород и азот, аргон, углекислый газ  
станут просто ветром. Забыв навсегда о нас,  
забирая с собой запах сна и твоих волос,  
запах кофе, вина и мяты, уйдет без слез.  
Он умчится с песней отсюда воде во след,

превращая минуту в тысячи тихих лет.

Когда выгорит все, что когда-то гореть могло,  
распадется сталь, и рассыплется в пыль стекло.  
Камень станет песком, песок обратится в прах,  
и все будет бесплотней, чем руки твои во снах.  
Никакая сила не сможет сдержать частиц,  
и они разлетятся стаяй безумных птиц,  
потерявших и дом, и зимовье, и солнца свет.

И молчание будет звучать миллионы лет.

---

Я сижу на работе, время – четвертый час.  
Этот город спит, и во сне он не видит нас.  
Но, конечно, рассвет придет, и сведут мосты.  
Где-то будет цвести пустыня, и петть киты,  
кто-то выйдет в утро и кофе возьмет с собой,

сизый дым родится над чьей-то печной трубой.

На вокзале, где мы попрощались в вечерний час  
не осталось следа, не осталось ни тени нас —  
безразличен мир, он посмел не сгореть дотла.

Моя жизнь – пепелище, на запах и цвет – зола.  
И все кажется, если бы мог я освободить  
все, что бьется, давит, болит у меня в груди,  
не осталось бы камня на камне по всей земле,  
и сгорело бы все, что хоть как-то могло гореть.

Но стоят на месте и дом, и вокзал. И мир  
даже не встряхнуло. Светило прошло надир.  
Я сижу на работе. Привкус во рту – свинца.

И минута молчания длится.  
Ей нет конца.

## Струна

Простудился ли я от бессонных ночей,  
от промозглых ветров, постоянных дождей,  
или я заразился от календарей,  
с их набитыми бегом коробками дней?  
Может статься, виною всему простыня,  
что своей белизной заразила меня.  
Может – темная комната, стул и фоно,  
что расстроено сильно и слишком давно.

Может быть, это воздух, что силясь обнять  
мои руки проходят насквозь,  
как планету бесплотная ось.  
Может быть – эта ручка и эта тетрадь.

От чего эти руки все время дрожат?  
Может быть, снова ветер во всем виноват?  
Никотин? Кофеин? Отупляющий яд,  
что вливаю в себя третьи сутки подряд?  
Может, землетрясение в далекой стране,  
будто небо в плевке, отразилось во мне?  
Может – люди, что бьются в конвульсиях драм,  
мелких, среди вышибающих дух панорам?

Может быть, это то, что пытаюсь сдержать  
в темноте моей клетки грудной,  
обернулось дрожащей струной  
и не хочет смириться, что нужно молчать.

## Перед рассветом

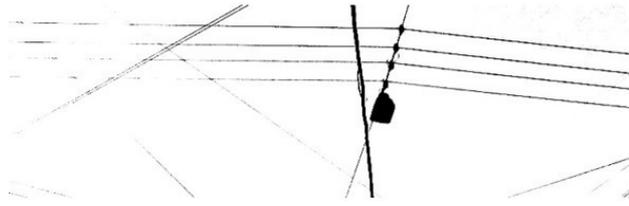
Подходит август к середине,  
и ты готовишься встречать очередной сырой рассвет.  
На светофоре ждешь зеленый, хотя машин в помине нет.

И пусто на душе. И воздух  
переполняет желтый свет  
висячих фонарей. У бара  
ты ускоряешь нервно шаг – там смех людей и звон стекла.  
А ночь еще почти тепла,  
хотя уже не так как прежде.  
И в Александровском саду  
густая зелень предвкушает фотографический дебют.  
И мокрых статуй силуэты похожи на детей, что ждут  
когда придет за ними мама  
и заберет из темноты, что неприятна и пуста  
туда, где тянутся друг к другу родные руки и уста.  
И ночь проходит, приближая  
тебя еще на полшага к тому, что сделать загадал.  
О, как смеялся бы создатель, когда бы он существовал!  
Откуда силы в этом теле, что истончилось как листок,  
не раз подвергнутый стиранию?  
Ты все еще во что-то веришь, невразумленное создание?  
Переставляешь ноги, будто  
в конце пути откроют дверь и скажут: «Здравствуй, проходи.  
Я ничего не позабыла.  
За эту боль меня прости.  
Ты знаешь сам, так было надо. Я рада, что ты смог дойти,  
и что ты цел и невредим.  
Ты тоже был мне очень нужен, но нужен сильным и живым».

Рассвет пришел, и ты ложишься.  
Ты видишь сон: прошло семь лет, мансарда, за окном Париж.  
И ты на скомканной постели, один проснувшийся, лежишь,  
вдруг вспоминая это утро,  
и парк, и Кронверкский проспект;  
и мысль тревожная скребется в лохматой сонной голове.

Но вот ты слышишь: в ванной шум,  
и весело скрипит паркет.

Она заходит в полотенце  
и улыбается тебе.



## Константа

Ты – скорость света, константа.  
Ты не видна,  
не осязаема – планковская длинна.  
Ты – глубина.  
Ты – то, чем живет мой мир.  
Столетье назад я звал бы тебя «эфир».

Постоянная тонкой структуры,  
энергия и волна.  
Ты – единое поле,  
натянутая струна,  
Из твоих вибраций рождается тишина.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.